

Патриарх Кирилл:
Задуманный разговор

Анатолий ХЛОПЕЦКИЙ

РУССКИЙ САМУРАЙ

Книга 1.
СТАНОВЛЕНИЕ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1+281.93;
ББК 84(2Рос=Рус)6+86.372
Х58

Издается с благословения
Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла.

Хлопецкий, Анатолий Петрович

Х58 Русский самурай. Книга 1. Становление / Хлопецкий А.П. – Москва: АСТ, 2015. – 352 с. (Патриарх Кирилл: душевный разговор)

ISBN 978-5-17-090007-7

Перед вами – удивительная книга, настоящая православная сага о силе русского духа и восточном мастерстве. Началась эта история более ста лет назад, когда сирота Вася Ощепков попал в духовную семинарию в Токио, которой руководил Архимандрит Николай. Более всего Василий отличался в овладении восточными единоборствами. И Архимандрит благословляет талантливого подростка на изучение боевых искусств. Главный герой этой книги – реальный человек, проживший очень непростую жизнь: служба в разведке, затем в Армии и застенки ОГПУ. Но сквозь годы он пронес дух русских богатырей и отвагу японских самураев, никогда не употреблял свою силу во зло, всегда был готов постоять за слабых и обиженных. Сохранив в сердце заветы отца Николая Василий Ощепков стал создателем нового вида единоборств, органично соединившего в себе русскую силу и восточную ловкость.

**УДК 821.161.1+281.93;
ББК 84(2Рос=Рус)6+86.372**

ISBN 978-5-17-090007-7

© Хлопецкий А.П.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ДОБРОЙ КНИГЕ — ДОБРЫЙ ПУТЬ

Закончился XX век, а вместе с ним и второе тысячелетие от Рождества Христова. Что ожидает нас в будущем, что ожидает человечество? Не следует верить ни мрачным прогнозам близкого конца света, ни фантастическим предсказаниям светлого и непременно для всех счастливого будущего. Будущее зависит от того, каким будет человек будущего.

Вся человеческая жизнь является развитием духовных свойств, образа Божьего в человеке, и человек должен стремиться подлинно стать и подобием своего Творца. Если же он изменяет своему призванию одухотворить и преобразить мир, разрушает богоданную нравственную свою природу, он губит и себя, и все окружающее. Человек несет ответственность за все, что он создал, сохранил или разрушил. Поэтому так важно сохранить свое человеческое лицо и достоинство в любых сложных обстоятельствах. Предлагаемая читателю книга А.П. Хлопецкого «Русский самурай» дорога именно тем, что она напоминает нам один из мно-

гих примеров нерушимой и всепобеждающей веры во Христе, повествует о поистине апостольской миссионерской деятельности святителя Николая Японского.

Автору удалось показать, что святой Николай имел попечение не только об устройении новой православной Церкви в Японии, но и деятельно заботился о сохранении и развитии в нашем русском народе лучших черт его национального характера, вынашивал планы его духовного просвещения и образования.

Думается, что с особенно большой пользой для себя эту книгу прочитают молодые люди, еще не осознавшие своего подлинного жизненного предназначения, не нашедшие приложения своим силам для служения Истине, Добру, России. Это поможет им найти подлинных духовных наставников, отойти от пропасти бездуховности, бесцельного растрачивания своей жизни, избавит от страха перед неведомым будущим. Важно, что герой повествования — В.С. Ощепков, основоположник единоборства самбо — не выдуманный автором идеальный герой, а реальный человек с очень непростой судьбой. И свой главный бой с жизненными обстоятельствами, с унынием и одиночеством, со злом он все-таки выигрывает благодаря тому, что, сберегая в себе образ Божий, развивает то, что было выпестовано его родителями и духовными учителями.

Да будет доброй книге добрый путь к сердцам людским.

И да благословит Господь Россию.

*Кирилл,
митрополит Смоленский
и Калининградский*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я задумал эту книгу как первую часть трилогии, посвященной глубинным истокам, истории и философии одного из истинно российских спортивных единоборств — самбо.

Уже с первых страниц мне хотелось проследить неразрывную связь русских видов единоборств с традициями былинной богатырской борьбы со Злом, напомнить о главных устоях русских богатырей, подчеркнуть их неагрессивность, запрет употреблять свою силу во зло, постоянную готовность постоять за слабых и обиженных, за други своя и одновременно проявить милость к падшим; умение, покарвав, простить тех, кто понял преподанный урок. Только на такой истинно русской основе могла сформироваться такая яркая личность, как будущий основоположник самбо Василий Сергеевич Ощепков.

Ключевым для меня в повести является и образ святого Николая Японского. Мне хотелось, чтобы как можно больше людей узнало о подвижниче-

ском житии святого Николая от рождения до его последних дней.

Особенно важным кажется мне тот исторический факт, что именно святой Николай Японский благословил подростка Васю Ощепкова на путь овладения секретами восточных единоборств, с тем чтобы поставить и эту силу на службу России. Я убежден, что именно благодаря сочетанию исконно русских традиций и освоенных с благословения святого Николая древних восточных канонов был создан принципиально новый, важный для России вид спортивного и боевого единоборства — самбо.

Раскрывая во многом неизвестный доселе читателю духовный облик В.С. Ощепкова, рассказывая о закрытых до недавних пор страницах его биографии, я не мог не прийти к выводу, что, создавая самбо, Василий Сергеевич имел в виду нечто большее, чем просто эффективные приемы самообороны. В сущности, рождалась новая идеология жизни, вобравшая в себя и лучшие устои российского народа, и моральные традиции, глубинные знания всего человечества. О том, что это именно так, свидетельствует и жизнь самого В.С. Ощепкова, которая может служить примером подлинного служения своему народу и своей стране.

На примере многих мастеров самбо я убедился, что, начав заниматься этим видом единоборства, человек любого возраста ступает на непростой, но очень важный для собственного становления путь — это кардинальное изменение характера, моральных принципов, образа бытия, взгляда на окружающих людей и собственное место в жизни. О том, что именно таких людей выковывает самбо, свидетельствует и пример нынешнего президента России.

Самбо не только вырабатывает способность максимально сконцентрировать свои усилия в очень короткое время; победить противника, используя его собственную агрессию; интуитивно предвидеть действия противника и предупреждать их.

Уверенность в себе, действенное отношение к жизни, спокойная доброта и готовность в любую минуту вступить в борьбу со злом извне и в себе самом, какое бы обличье оно ни приняло — вот тот облик, которого помогает достичь самбо.

Думается, именно эти черты мы должны постараться воспитать в молодежи, которая вступает в XXI век и которой предстоит олицетворять собой будущую Россию. Это повествование о том, как выковываются такие люди.

Работая над трилогией, я пришел к мысли, что есть Промысел Божий в том, как создавалось российское национальное единоборство, и в том, какое влияние оказало и продолжает оно оказывать на тех, кому предопределено Волей Господа играть историческую роль в судьбе России. Особенно отчетливо это, на мой взгляд, прослеживается в становлении личности нынешнего президента страны.

Я убежден, что самбо несет в себе огромный духовный потенциал, который нам еще предстоит осознать и поставить на службу Святой Руси. В трилогии я попытался подойти к этой важной задаче.

*Анатолий Хлопецкий,
мастер спорта международного класса,
заслуженный тренер Российской Федерации.*

1. ЧЕТЫРЕ СХВАТКИ

Человек сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, в салоне летящего авиалайнера. Он то ли спит, то ли просто задумался под мерное гудение мощных моторов. Ночь. Свет в салоне слегка приглушен. Сдвинуты шторы иллюминаторов. Не видны ни звездная россыпь в небе, ни ее земное отражение в огнях больших городов.

Молодой женщине в кресле рядом не спится, и она исподтишка рассматривает своего случайного попутчика: ей кажется, что он лет тридцати с небольшим. Короткая спортивная стрижка еще нетронута сединой. Вроде бы расслаблен — отдыхает, но угадывается тренированное тело, готовое к любой неожиданной реакции. Неплохо одет. Привлекательный. Но какая-то легкая тень на отрешенном лице — то ли забота, то ли недовольство.

На самом деле он дремлет, но сквозь дремоту чувствует на себе заинтересованный взгляд. И,

хотя это ощущение где-то на периферии сознания, оно смутно мешает ему. Перелет для него давно привычен. Он пользуется этим временем вынужденного безделья для того, чтобы отключиться и отдохнуть. Но иногда сознание живет собственной жизнью и зыбкая граница между явью и сном начинает стираться. Вот и сегодня он сам не замечает, как его мозг «щелкнул переключателем программ» и в голове вдруг возникла до яви отчетливая картинка сна...

...Он в ночном городе, который не может назвать, хотя, кажется, не раз бывал здесь. На этой самой короткой улочке, обсаженной старыми деревьями. Недавно прошел дождь, и теперь легкий туман клубится под желтыми фонарями.

Он возвращается откуда-то домой по этой улочке. Ну да — конечно же, из школы: ведь ему всего лет десять-одиннадцать, и у него вечерняя смена. А может быть, с урока музыки из Дворца пионеров. Улочка пуста, и только впереди, где-то в сотне шагов, чуть сутулясь, движется мужская фигура. Если поднапрячь зрение, можно разглядеть и палку, на которую мужчина опирается.

И хотя это, наверное, скорее всего старик и, в случае чего, от него вряд ли можно ожидать помощи, мальчику как-то спокойнее оттого, что кто-то делит с ним ночную улицу. Он идет не оглядываясь: ему почему-то кажется, что там, где он уже прошел, опасность больше не может возникнуть. Это странное, совершенно нелогичное ощущение, однако, его не подводит.

Они, эти пьяные подонки, в самом деле появляются впереди, откуда-то из черных провалов неза-

крытых подъездов, — три, серые в тумане, бесшумно скользнувшие тени.

И хотя совершенно ясно, что до мальчика им нет никакого дела, они просто не видят его, нацеленные на того, кто ковыляет впереди, мальчишка в панике бросается за ствол ближайшего дерева, припадает к его мокрой коре и почти сливается с ним, стараясь не дышать.

Три тени, вихляясь, приближаются к старику, и мальчику удастся расслышать знакомый по рассказам, безобидный и такой страшный вопрос:

— Эй, мужик, закурить не найдется?

Он не разбирает, что отвечает старик, но зато отлично слышит второй издевательски усмешливый голос:

— Слышь, пацаны, оне здоровье свое берегут!

И третий, нарочито замедленный, ленивый:

— На тот свет здоровеньким собрался...

А потом опять издевательски радостный:

— Ну и потеха подвернулась клевая!

Мальчишка еще крепче вжимается в дерево и с ужасом слушает, как что-то лепечет обреченный старик, предлагает деньги, вымаливает свободу, а может, и жизнь под издевательский пьяный хохот тройцы.

И вдруг — этот крик, этот вопль, полный ненависти и ликующей ярости! Он потом долго будет взрывать барабанные перепонки в ночных кошмарах:

— И-й-я-а-а-а!

То, что происходило потом, больше всего было похоже на стремительное престо, которое они разбирали сегодня на уроке музыкальной грамоты: да,

это была, конечно, драка, но какой-то непонятный ритм присутствовал в ней. Словно кто-то дирижировал этими мельканиями стариковской палки, руганью, сдавленными стонами и наконец тяжелыми шлепками трех тел о землю.

И старик уже бежит, но почему-то назад, не в том направлении, куда шел прежде. Вот он поравнялся с деревом. Мальчик слышит его горячую легкую руку у себя на плече, поднимает на него все еще расширенные страхом глаза. Не так уж этот старик, пожалуй, и стар, а говорит и вовсе запросто, как мальчишка:

— Ну что? Атас? Смываемся?

И они, взявшись за руки, ныряют в ближайший подъезд, который оказывается проходным, с распахнутой задней дверью. Потом под какую-то арку в другой переулок. Еще небольшая пробежка, и мальчик с удивлением видит, что они на той же прежней улочке, только далеко впереди от того дерева и того фонаря, и того страшного места, где все произошло.

Он оглядывается, а спутник снова кладет ему руку на плечо, наклоняется почти к самому лицу и вдруг весело подмигивает. Мальчик почему-то успокаивается, но теперь у него множество вопросов. И сначала он задает самый главный:

— Значит, вы знали, что я за вами иду?

Тот улыбается и кивает головой. Нет, он, пожалуй, все-таки старик — больше сорока ему. И с палкой. Хромой, что ли?

— Вы их здорово ненавидите? — снова спрашивает мальчик.

— Не знаю, — не сразу отвечает старик. — Нет, наверное. Понимаешь, их пришлось бы ненавидеть все время. А жить с постоянной ненавистью тяжело. Ненавижу ли? Нет. Но я люблю... Ну, скажем, этот тихий осенний вечер. Эту улочку в тумане. Тебя. А то, что любишь, нельзя отдавать злу.

— Меня? Но вы же меня совсем не знаете!

— Ну как «не знаю»? Ты мальчик с папкой для нот, который идет домой по темной туманной улице.

«И этого хватит, чтобы любить меня?!» — хочется спросить мальчику. Но вместо этого он тихо говорит:

— А они как? Надо позвонить в милицию!

Старик хмурится и пожимает плечами. На его лице снова мелькает улыбка, но уже другая — твердая, брезгливая и, пожалуй, жесткая. И он небрежно роняет:

— Ничего, отлежатся. Зато урок запомнят надолго. — Потом, словно уловив несогласие в молчании мальчика, нехотя поясняет: — А милиция... пока разберутся, сам знаешь, что может быть.

— Но ведь вы же защищались! Они же первые... — горячо возражает мальчик.

— Это еще надо доказать — невесело отвечает старик. — Свидетелей же не было.

— Как «не было»?! А я? — обиженно вскрикивает мальчик.

— Видишь ли, тебя могут и не послушать.

И мальчик опять замолкает. Ему снова в который раз, напомнили, что он пока не принадлежит к этому большому, страшному и прекрасному миру взрослых, у которых свои тайны, разговоры и счета. И порой эти счета подводят так, как сегодня:

ты их — или они тебя. Это уж не какая-то там мальчишеская разборка, где все сводится к синякам и фингалам, а кровь пускают только из расквашенных носов.

Мальчик молча обижается. Он еще живет в том мире, где давно нет беспризорщины и еще нет отмороженных подростковых стай, которые с крысиной жизнеспособностью борются за выживание, за крышу над головой в подвале или на чердаке, за дозу зелья перед сном...

Он не сразу замечает, что впереди загораются в тумане огни большой улицы — отсюда совсем рядом его дом. Вдруг он слышит где-то позади и в стороне сирену патрульной машины и невольно отпускает руку своего спутника. Ему немного стыдно за это движение, но старику угодно понять его по-своему:

— Уже близко? Дальше ты доберешься?

— А разве вы провожали меня?

— Да нет, пожалуй. Просто нам было немного по пути. Ну, прощай.

И он исчезает, свернув в переулок и оставив мальчика одного с его первыми мыслями о зле и возмездии, о мере воздаяния и мере прощения — мыслями о многих вещах, которые прежде просто не приходили мальчику в голову.

...Женщина в авиакресле видит болезненную судорогу, пробежавшую по лицу спутника. Ей кажется, что он чуть слышно простонал, и она, не удержавшись, кладет свои тонкие холеные пальчики на его загорелый сжатый кулак.

Мужчина поворачивает голову и встречается глазами с попутчицей.

— Кошмар? — сочувственно спрашивает она, явно рассчитывая на продолжение разговора.

— Нет, просто повторяющийся сон, — кратко отвечает он и снова закрывает глаза.

Женщина разочарована. На ее подвижном личике выражение: «Не больно-то и хотелось!» Она вертится в кресле, пытаясь поудобнее устроиться и все-таки наконец заснуть.

«Ах эти несбывшиеся женские ожидания!» — усмехается про себя мужчина. И это тоже повторяется, как сны в полудреме. Одно и то же почти в каждом рейсе. Слова вечной молитвы приходят ему на ум: «... и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Нет, это явно не тот случай — во всяком случае, искушение совсем не так уж велико, чтобы не справиться с ним самому.

В отличие от спутницы ему не приходится призывать дремоту. Она наплывает сама, как размытое изображение в кино, и уводит его в давно знакомый мир, чуть припахивающий разгоряченными телами, сыростью душевых, пылью спортивных ковров...

...Для него этот мир был прекрасен. Юноша любил его с первых своих серьезных настоящих соревнований, когда он впервые отправился без родных, только с тренером и своей командой, в большой незнакомый город.

Все было внове — и номер в гостинице, который он делил еще с двумя ребятами, и еда в гостиничном ресторане, за которую расплачивались талончиками с большой лиловой печатью, да и сами со-

ревнования. Почему-то представлялись ему в воображении ряды, как на стадионе, ярусами уходящие вверх, заполненные орущими и рукоплещущими людьми...

А происходило все в полупустом зале, и главными были вовсе не зрители — большинство из них сами были участниками соревнований. Главными были люди за столиками: жюри, рефери, тренеры. Несколько спортивных комментаторов торопливо наговаривали что-то в свои микрофоны, да суетились репортеры со вспышками — позволь им, так влезут прямо между борцами ради заветного, самого «убойного» кадра.

Ему предстояло бороться через день после начала соревнований, вечером. Тренер явно побаивался, что парнишка «перегорит», а он почему-то и не думал о предстоящей схватке — просто рассматривал, впитывал все непривычное, что его окружало, с непосредственностью лисенка, впервые высувшего нос из родной норы.

Ему нравились возбужденность окружавших его людей, красные и синие спортивные куртки борцов, бодрая энергичная музыка в перерывах. Он присматривался к борьбе других, иногда как бы примеривая их на себя. И зря — каждому борцу достается свой противник, и потому получается своя, не похожая ни на чьи другие, схватка.

Нет, он не боялся, но всю ночь провел то ли в дремоте, то ли в полусне, прокручивая варианты борьбы с возможными противниками. И все-таки встал бодрым, заставил себя собраться, и с той минуты, как вышел на ковер, весь окружающий мир как бы перестал для него существовать.